

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ДОКУМЕНТ:

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

**Сборник материалов V Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(г. Томск, 27–28 октября 2011 г.)**

**Издательство Томского университета
2012**

1904 г. на средства А.А. Пылкова, располагалась конспиративная квартира Томского комитета РСДРП [5. Л. 166].

В 1927–1928 гг. нотариату было передано право принятия мер по охране наследственного имущества. В документах нотариальной конторы появляются свидетельства и заявления о вступлении в права наследования, удостоверения об охране наследственного имущества, к которым прилагались описи имущества. В частности, в фонде имеется опись имущества Г.Э. Иоганзена (отца Б.Г. Иоганзена, профессора Томского университета), документы о введении в права наследования родственников профессора М.Г. Курлова [6].

Таким образом, документы Томской нотариальной конторы, датируемые 20–30 гг. XX в., позволяют дополнить исследования историков, занимающихся локальной историей, новыми достоверными фактами о промышленных и торговых предприятиях города, добровольных объединениях городского и сельского населения, кредитных и потребительских кооперативах, сведениями, позволяющими иначе взглянуть на уже известные исторические явления.

Литература

1. ОГУГАТО. Ф. Р-448. Оп.1. Д. 18. Л. 51–52.
2. ОГУГАТО. Ф. Р-448. Оп.1. Д. 415. Л. 28.
3. ОГУГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 6, 63, 74, 75, 77, 280, 454, 455 и др.
4. ОГУГАТО. Ф. Р-448. Оп.1. Д. 85, 167, 168, 169, 170, 173, 200, 201, 205, 206, 212, 239, 240, 309, 424, 425, 454, 455 и др.
5. ОГУГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 279. Л. 166.
6. ОГУГАТО. Ф. Р-448. Оп.1. Д. 231, 339.

А.С. Шевляков

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1930-х гг. В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ

Проблема классовой борьбы в деревне в начале 1930-х гг. является одной из сложнейших. В советской историографии острота классовых противоречий была явно преувеличена. В современной литературе встречные действия крестьянства по отношению к колхозному строю нередко затушевываются. В этом контексте пред-

ставляется важным выяснение субъективного понимания партийно-советскими функционерами форм и методов классовой борьбы.

Скоропалительное и насильственное создание тысяч коллективных хозяйств при отсутствии опыта их ведения, материальных стимулов, нехватке подготовленных кадров сельских руководителей, специалистов, техники только усилило дезорганизацию в деревне. Нарастало пассивное сопротивление теперь уже колхозного крестьянства, отказывавшегося работать даром. Перед партийной элитой стояла дилемма: либо признать собственные ошибки и преступления при проведении коллективизации, либо все трудности и недостатки колхозного строя свести к враждебным «проискам классового врага». Естественно, партийно-государственная верхушка предпочла второе.

Вне всякого сомнения, методологию, целенаправленность и тон в трактовке понятия «классовая борьба» в рассматриваемый период определил И.В. Сталин, который еще на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. выдвинул печально знаменитый тезис: «...по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться...» [1. С. 177]. В январе 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) вождь вновь подтвердил положение об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму: «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов» [1. Т. 13. С. 211–212]. В заключительной речи «О работе в деревне» на этом пленуме И.В. Сталин прямо указал адрес врагов: «Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т.д.» [1. Т. 13. С. 229]. Простор для расширенного и субъективного толкования вопросов классовой борьбы был открыт.

Искаженное и гипертрофированное восприятие классовой борьбы являлось господствующим в партийной среде и усиленно поддерживалось сверху. Например, члены коммуны «Жизнь труда» Кузнецкого района Западной Сибири пыгались отказаться от навязанных им государством лесозаготовок. «Ясно, что здесь форма колхоза оказалась использованной кулачем в антисоветских целях», – утверждал секретарь крайкома ВКП(б) Р. Эйхе. Он же считал, что если колхозники занимались индивидуальным хозяйством и огоро-

дом (непомерно!), то это «... один из методов подрывной работы классового врага» [2]. Полуголодное существование колхозников на доходы от общественного хозяйства в расчет не бралось.

Низкие нормы выработки, слабая трудовая дисциплина, затяжка сроков сева и уборки и др. – следствие, разумеется, вредительства. До абсурда в толковании классовой борьбы дошел партийный публицист А. Ананьев. Так, на совещании активистов в двух татарских колхозах Итатской МТС был задан вопрос о том, почему их заставляют изучать иностранный язык (речь шла о латинском алфавите). Писатель серьезно утверждал, что за этим вопросом скрывалась «... кулацкая попытка выступить против латинского алфавита за арабский, на котором написан Коран – библия магометан...» [3].

Своеобразный «рекорд» в понимании классовой борьбы поставил секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М.О. Разумов. Он писал: «Одним из проявлений кулацкой активности является попытка распространить среди колхозников картежную игру. Это наблюдалось во время весеннего сева в таких районах, как Качагский, Эхирит-Буллагатский, Боханский, Саянский и др.» [4]. Подобные взгляды на классовую борьбу не нуждаются в комментариях.

Хозяйственные дела (плохо отремонтированный трактор, огрехи при посеве, нечеткость в определении видовой (на корню) урожайности, потери зерна во время уборки урожая, падеж скота и др.) заключали в себе наибольшую сложность при их юридической квалификации. Прежде всего, перед следствием вставал вопрос о субъективной стороне дела: есть умысел или нет, сознательные действия привели к порче хлеба, имущества или халатность, неопытность и т.д. Любое хозяйственное дело в то время рассматривалось через призму классово-политического анализа. Ни о какой презумпции невиновности не могло быть и речи. При равных условиях в действие вступала железная логика классового принципа. Прокурор РСФСР А.Я. Вышинский в специальном методическом письме указывал: «Недостаточно выявить факт хищения и предать суду виновного. Необходимо политически его опознать, выявить его действительно классовое лицо, продумать его связь с кулацкими, классово враждебными или деклассированными элементами местности, установить, откуда идут корни его враждебных действий» [5]. При таком подходе хозяйственное дело превращалось в политическое преступ-

ление, а органы ОГПУ-НКВД усиленно искали «кулацкие и антисоветские группы и организации» там, где их не было. К примеру, в ноябре 1934 г. ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю представило в крайком ВКП(б) «Сводку фактов о формах противодействия классовых врагов в деревне». В документе отмечались 118 случаев разложения колхозного актива и руководства, 96 фактов занижения урожайности, срыв обмолота и большие потери зерна в 26 колхозах, поломка молотилок «... с целью срыва обмолота» (20 случаев). Из названия документа видно, как сибирские чекисты однозначно определили характер этих дел [6].

Вместе с тем многочисленные исторические источники убедительно свидетельствуют о том, что крестьянство в ответ на экспроприацию и насилие со стороны государства использовало различные формы активного и пассивного сопротивления. Полное отрицание классовой борьбы не представляется научным. Выявление действительной степени сопротивления крестьянства государственной политике в деревне остается актуальной задачей исследователей.

Литература

1. Сталин И.В. Соч. Т.11.
2. Эйхе Р. Колхозы Сибири к XVII партсъезду // Большевик. 1934. № 1. С. 17.
3. Ананьев А. Деревня колхозная. Новосибирск, 1935. С. 12.
4. Большевик. 1934. № 15. С. 32.
5. Советская юстиция. 1933. № 4. С. 6 – 8.
6. ЦДНИ ИО (Центр документации новейшей истории Иркутской области). Ф. 123. Оп. 15. Д. 151. Л. 111.

А.В. Куксин

ЛИЧНАЯ УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА ШАХТЕРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Для создания целостной картины истории Прокопьевского рудника необходимо использование различных документальных источников. В частности, стоит уделить внимание документам по личному составу ликвидированных шахт, которые хранятся в филиале архивного отдела администрации г. Прокопьевска. Его фонды охватили целую эпоху – конец 1920-х – середину 1990-х гг. Эти документы